

ЕЛЕНА КОШКИНА

ТЕЛЕФОН

Ты звонишь и молчишь в телефон.
— Что случилось? — привстала округа.
А по городу с разных сторон
На молчание двинулась вьюга.

“Это я”, — осторожно скажи,
Хочешь — радостно, хочешь — угрюмо,
Только трубку подольше держи
И, зачем это надо, не думай.

“Это надо”, — выводит река
Синевой по откосам зеленым.
“Надо, надо”, — поют облака,
Прижимаясь щекой к небосклону.
“Надо, надо”, — поет соловей,
В музыку превращая тревогу.
Не молчи, говори поскорей.
Говори, не молчи, ради Бога.

Так сказала — и стихла пурга.
Темнота разошлась, раскололась,
И в холодных, пустых проводах
Стало слышно: рождается голос.
Голос твой зазвенел... Замолчал...
Зазвенел... Заиграл, как бывало...
Ветер ласково ветви качал.
— Я люблю тебя, — в трубке звучало.

ОЛЕГ САЛТУК

ОЗАРЕНИЕ

Я отыскал потерянный покой,
Когда вчера увидел на рассвете:
Твоя рука лежала под щекой...
Так спят, наверно, маленькие дети.

Как ты спала... Спокойный этот сон
Старался я ничем не беспокоить.
Но новый день — в окно стучался он
Прохладною и светлою рукою.

* * *

Расплавленный асфальт. Удушье тротуаров.
Далекое “люблю” и близкое “зачем?”.
Искусственный восторг дешевых мемуаров,
Каких-то лживых слов, каких-то вздорных схем.

Зачем тебе миры, в которых нет пространства,
Зачем тебе пески непризнанных времен,
В которых “да” и “нет” не ищут постоянства
И каждый новый шаг собой обременен?

Мне страшно быть одной, когда ты снова болен,
Когда ты оглушен сознанием тишины,
И стаями летят с далеких колоколен
Предвестники твоей непрошенной войны.

А здесь, в крошечной тьме всеобщего затмения,
Себя и остальных уже не различишь.
И страшно понимать: сейчас всего лишь тень я
Каких-то серых стен, каких-то ржавых крыш.

ЕЛИЗАВЕТА ПОЛЕЕС

* * *

Не бойся открытий, не бойся потерь.
Давно заколдована в прошлое дверь.

Не бойся отплытий больших кораблей.
За жизнь, что приснилась, бокалы налей.

Бокалы налей золотого вина.
Есть в жизни находки, не только вина.

До самого дна опрокинешь печаль —
И близкою станет далекая даль.

И станет серебряной песня ручья.
Ты тоже, как песня:
для всех и ничья.

* * *

Чтобы мне не нести этот крест окаянный,
Разорву пополам я и цепи, и кольца.
И наградою вечности будет молчанье —
Потаенной скорбящей душе богомольца.

Чтобы мне не сгореть в этом зареве адовом,
Я очищу себя от любви, как от скверны,
Потому как оков, и надежных, не надо мне —
Присягаю свободе на верную верность.

Потому как простор лишь
душе полагается,

Потому как влекут ее выси и шири,
И в небесных пространствах она очищается,
А не в горестях-радостях душевной квартиры.

Если ангел слезинку уронит нечаянно —
Разольются в пустыне живые колодца.
А утехой скиталице станет отчаянье,
Если сил не останется больше бороться.

ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Яркий блик на лужицах играет,
И петух уже полощет горло.
Сретенье дорогу пролагает
Внешнему теплу в лесные доли.

Хоть зима берет свое ночами,
Щеки, словно пьяный гость, целует,
Талый снег под первыми лучами
Водостоки гулкие шлифует.

Солнцу благодарные синицы
Распевают радостные гимны.
Родники торопятся пробиться
Из-под немоты сугробов зимних.

Небеса струятся синевою,
Словно ручейки водою талой, —
Вечность над седою головою
Зайчиком веселым пробежала.

МИХАИЛ ПОЗДНЯКОВ

ПОМНИШЬ, ДАЛЕКАЯ?

Помнишь ли угол укромный, далёкая?
Дом материнский под сенью дерев,
Лето душистое, жито высокое,
Луг, где костёр наш горит, не сгорев?..

Помнишь ли выси над тихою чащею,
Той, где медовой малины разлив?
Счастье, как звёздочка, с неба летящая,
Счастье, как яблоко “белый налив”...

Помнишь ли светлые травы шелковые,
Сизый туман, золотую росу,
Синие, в жите, глаза васильковые?
Я и сегодня их в сердце несу.

Ими, родными, дорога нелёгкая
Озарена на полях бытия.
Кланяюсь низко тебе я, далёкая:
Здравствуй, неспетая песня моя!

*Перевод с белорусского
Б. Спринчана*

ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

На старой улочке Варшавы,
Когда спускалась ночь с небес,
С аккордеоном вышел парень
И заиграл вдруг полонез.
И я, проделав путь неблизкий,
От потрясения застыл:
Как будто сквозь года Огинский
Со мною здесь заговорил.
И боль его была такою,
Что я, как пламя, трепетал,
Сливался с музыкой ночною
И восторгался, и страдал.
И, сокровенное озучив,
До слез он душу бередил,
Пытал мелодиею жгучей
И невозвратное будил.
А люди шли толпою мимо,
И мне почудилось в тот миг,
Что где-то рядом ты незримо
Возникла, нежная, среди них.
Мелькнула гостьею небесной,
Моя медовая печаль,
И снова с музыкой чудесной
Уплыла в сумрачную даль,
Чтоб никогда не появиться,
Лишь озаряя и маня,
Неуловимую жар-птицей
Казнить и миловать меня.

Перевод с белорусского автора.

ЛЮДМИЛА ШЕВЧЕНКО

* * *

Все больше дорожу я тишиной —
Прошла пора беспечности, веселья.
Все чаще хочется побыть одной
В лесу, за книгой иль за рукодельем.

Я научилась слушать старый сад
И видеть облаков плывущих стаи,
Ловить в ладони первый снегопад
И сожалеть, что снег так быстро тает.

Мне кажется, я стала понимать
Призывы ветра и ручья журчанье,
Красу цветущих весен принимать
И вкладывать глубокий смысл в молчанье.

Грущу, когда курлычат журавли,
С полей родных на зиму улетаю,
Как будто это я уже вдали
В разлуке той друзей своих теряю.

Все больше дорожу я тишиной
Не потому, что старость на подходе,
А потому, что становлюсь иной
И возрождаюсь, растворясь в природе.

СВЕТЛАНА ЕВСЕЕВА

СИЛА ПЕСНИ

Если голосу хочется петь,
Песню надо уже начинать.
Я прошла азиатскую степь,
Чтобы корни свои отыскать.

Мне открыли свои имена
Пашня, ягодник, поле, родник...
Здесь века, создавая меня,
Подарили мне русский язык.

Здесь вошла я в сады лучших дней,
Над садами был звездный навес.
В ночь ракеты слетали с ветвей,
Словно звездная зрелость с небес.

Зная счастье и зная беду,
Выхожу на дорогу свою.
Я не падалица в саду:
Не срывая свой голос, пою.
...Ум для сердца — товарищ и врач.
Сердце — путник, ум — проводник.
Что мне прах всех моих неудач!
Мое счастье — мой русский язык.

В капитальном ремонте наш Дом,
Это, верю, для жизни дано.
Оттого не плутаю в былом,
Что плохое забыто давно.

Красной Шапочкой к светлым лесам
Темным лесом иду напрямик
И пою всевозможным волкам:
«Сила песни — правдивый язык».

ПАЛЕСТИНА МОЯ

Далеко-далеко, где не падает снег,
Палестина — Святая Обитель.
Век двадцатый...

Свое отгулял Мясоед,
Пост Великий для нас как Спаситель.

В Палестине моей зимний север суров.
Поэтесса у нас — не мимоза.
Жду от вьюги поддержки плечистых снегов,
Жду подарков от Деда Мороза.

В Палестине моей не ищу тот Грааль
В море том, где в ходу ультразвук.
Уши-шухи мои мучит черная брань,
Флаг пиратский житейской округи.

Все проходит. Пройдет чернота-полоса.
Верит проза, сама нездорова:
Палестина Поэзию снимет с креста,
Дух вернется в Печатное Слово.

Станут вечным пером мой простак-карандаш,
Небоскребом — хрущевка-лачуга...
Палестина. Весна. Двадцать первый этаж.
Жду от Пасхи Воскресного чуда.

...Далеко-далеко та Святая Земля.
Но и здесь и пишу, и читаю.
Палестина моя там, где вызрели я
И те люди, каких почитаю.

Палестина моя — ты, березовый лес,
Рощи сосен — мои Палестины,
Здесь меня знают звезды Насущных Небес,
Как верблюдов своих бедуины.

АЛЛА НИКИПОРЧИК

* * *

*(Памятник на могиле
В. Ф. Комиссаржевской)*

Легкое платьице,
девчоночья стрижка...
При чем здесь лавровая ветвь?
Она ее даже не видит.

Вечный порыв вечных душ...
Невзирая на лавры и тернии...
Декабрь.
Тает снег о живые плечи.

ДМИТРИЙ РАДИОНЧИК

НАШ БРОНЕПОЕЗД

Ковчег наш могуч и сколочен на совесть;
Жаль, некуда больше идти.
Мы странные люди, и наш бронепоезд
Стоит на запасном пути.

Разверзлись орбиты небесных окраин,
Где ветры читают псалмы.
Пусть каждый себе в этой жизни хозяин;
Сердцами владеют умы.

Срывают ненастья штандарты с флагштоков,
Срывают привычный обряд...
Невинные жертвы плебейских пророков,
Как птицы, над бездной парят.

Бушуют стихии, но это — не новость.
Торопится солнце взойти.
Мы — слабые люди, а нас бронепоезд
Все ждет на запасном пути...

Мы — дервиши, блудные дети Вселенной,
В пучине снискали приют.
Пусть в память о правде и вере нетленной
Гремит наш невзрачный салют.

Вдали разгорается пламя пожарищ —
Наш скорбный маяк впереди,
И стены ковчега дрожат от ристалищ,
И сердцу тревожно в груди...

БРОНИСЛАВ ЕРМАШКЕВИЧ

* * *

Восприимчивость — суть
Синева родниковой воды.
Начинаю с попытки
Свой порог не задеть поутру.
И оправу души
Мне подарят в цветенье сады
Да берез череда,
Что листвою шелестят на ветру.

Восприимчивость — время,
Приносящее слово “творить”,
Мною пройденный путь,
Что ложится к усталым ногам.
Слаблю Бога за то,
Что меня научил говорить
На родном языке
Прежде, чем оберег меня сам.

*Перевод с белорусского
Тамары Мазур.*

ВИТАЛИЙ САВИЦКИЙ

* * *

Их убирают, бесхозные хаты,
Рушат бульдозером, прямо на слом.
И, как сраженные в битве солдаты,
Валятся наземь деревья кругом.

Рушат с азартом, старательно, лихо —
Что тут миндальничать?
К черту хламье!
Пыль вековая вздымается тихо,
И не стихает в садах воронье.
К черту иконы, гармошки и кросны,
Запах скотины и дух старины,
Санний разбег, хороводные весны...
Требуется, требуется быт новизны!
Сносятся хаты,
А деды, старухи —
В вечной обители, что за селом.
Благо, не ведают этой разрухи,
Благо, не смотрят на этот погром...

ГАРМОНЬ

Она меня с ума сводила,
Та голосистая гармонь.
Какая в ней таилась сила!
Какой живительный огонь!
И так хотелось непременно
Приобрести гармошку ту
В сорок седьмом послевоенном
Голодном памятном году.
Ходил за матерью по следу
И со слезами — что скрывать —
Просил уговорить соседа
Мне “хромку” с песнями продать.

МИХАСЬ БАШЛАКОВ

* * *

Не окликай метели буйные —
Придут, поземками пыли.
И кони снежные, разгульные
В пустынных явятся полях.

Бубенчик всхлипнет...
Гэй, залетные!..
Под гору мчат на всех парах...
А следом, словно псы голодные,
Летят холодные ветра.

Завоют, лютые, за окнами,
Зайдутся плачем от тоски...
Не окликай снега далекие —
Они не так уж далеки.

Сведут и сгубят в белой темени,
Где вечно властвует зима...
Не окликай ее до времени —
Она заявится сама...

РАИСА БОРОВИКОВА

* * *

Травую еще не покрылись луга,
земля для травы не согрета,
с пригорков, помедлив, сплывают снега,
и в каждой проталине — лето.

Еще не обласканы кроны теплом,
не хочется думать об этом...
О, как обогреет жара их потом,
ведь ждет нас предолгое лето.

Еще соловьи не поют, а не сплю
и вовсе не прячу секрета:
губами я пылкие губы ловлю,
целую горячее лето.

Лесные поляны — мои адреса,
душа моя тянется к свету.
На тропках искристо мерцает роса,
и в каждой росинке — по лету.

Вдруг близится запах цветенья и гул,
вдруг блеск золотого ранета...
Шиповник свои лепестки отряхнул —
такое короткое лето!

ЛЮБОВЬ ЛЕВШУН

* * *

В сером небе — белые купола...
То ли явь, то ли сон, то ли мир иной...
Надо мной, как архангеловы крыла, —
купола
    лепты былой;
в сером небе,
    над серенькою землей,
где ничтожные страхи играют в страсть,
где из всех не зол выбирают зло,
и от зла уже яблоку негде пасть.
И на той земле у меня — ни кола,
ни надежды, ни веры и ни любви...
Купола надо мною. Или крыла? —
Нераскрывшиеся крыла мои?..

ДУША

К. Е. Е.

Отведи мою душу напевом своим
в стройноствольную рощу
    тонов и созвучий!..
Там, где сумрак певучий Давидом храним,

там, где лотосы дышат в ладонях излучин,
там, где голос рождается из волшебства
распусканья бутонов и душ распусканья, —
пусть слезою она в твои песенки канет
и поверит, отпетая, в то, что жива...

МАРИЯ ШЕМЯКИНА

* * *

Акварельное небо в потеках кармина,
Синева по краям небосвода разлита,
Соловьи приумолкли в удушье жасмина,
Солнце к самому лесу скатилось с зенита.

Может быть, это только мгновение тиши?
Может, сумерки будут седы и безлики?
А немного позднее летучие мыши
В черном небе прочертят узорные пики.

А потом зазвучит в бархатистом просторе
Чья-то странная песня протяжная, млечная.
И как будто из капель рождается море —
Из простых мелочей составляется вечное.

МИКОЛА МЕТЛИЦКИЙ

* * *

Края, с которыми успел сродниться,
Неотразимо в тишине ночной,
Преодолев кордоны и границы,
Всплывают в мыслях снова предо мной.

Встают в снегах вершины Дагестана,
И слышу я: Расул на фоне их
Читает вдохновенно и гортанно
Стихи о современницах моих.

Летят благословенные секунды.
И я, встречая раннюю зарю,
В Абхазии над соснами Пицунды
На белопером облаке парю.

То на крутом отроге Карадага,
Спиной припав к остывшей скале,
Слежу, как давних витязей отвага
Вновь возвращается в Чуфут-Кале.

А вот Тува... Потомок Одиссея,
Я вновь попал на дивный островок,
И снова вижу воды Енисея,
И чувствую его могучий ток.

А то совсем от Бабчина далеко,
Где побывал не каждый из землян,
Под синевой небес Владивостока
Я режу грудью Тихий океан.

То в Вильне, возле башни Гедимина,
Смакую крепкий утренний мороз...
Разорвана единая стремнина...
Судьба народов трогает до слез...

О, памяти угодливая служба,
Исполненная света и тепла!
Быть может, поостыла наша дружба,
Но только точно знаю, что была!

*Перевод с белорусского
Бронислава Спринчана.*

* * *

Я шаг ступил — и все шагнуло вслед:
Асфальтом черным медленно брели
В платочках стрех — дома, им много лет,
Скрипучие, как старость, журавли.
И тополь в огороде, будто дед,
Нес на корнях живую боль земли.
Мне слышалась их поступь за спиной,
Они шагали, топая, за мной.
Я, чуть дыша, боялся оглянуться —
На них на всех, на прошлые года.
И помнил — остановишься, тогда
Застынуть им, и к смерти прикоснуться,
И зоною остаться навсегда.

*Перевод с белорусского
Анатолия Аврутина.*